

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Д18

Серия «БФ-коллекция»

Иллюстрации на обложке *Айрата Аслямова, Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Данильченко, Олег Викторович

Д18 Имперский вояж: Из варяг в небо. На мягких лапах между звезд. Чужая война. Тропинка к Млечному Пути: сборник / Олег Данильченко. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2020. — 976 с. — (БФ-коллекция).

ISBN 978-5-17-133645-5

Ох как непросто быть попаданцем — чужой мир, вокруг всё незнакомо и непонятно, пугающе. Помощи ждать неоткуда. Всё приходится делать самому. И нет конца этому марафону. Как та белка в колесе, пищи, но беги. На голову землянина свалилось столько приключений, что врагу не пожелаешь. Успел найти любовь — и потерять, заимел серьёзных врагов, его убивали — и он убивал, чтобы выжить. Выбирать не приходится. На фоне происходящих событий ещё острее ощущается тоска по дому. Где он? Где та тропинка к родному порогу? Придётся очень постараться, чтобы найти этот путь. Тяжёлая задача? Может быть. Но куда деваться? Одному бодаться против целого мира — не вариант. Нужно приспособливаться и продолжать двигаться к поставленной цели. По-кошачьи — на мягких лапах. Но горе тому, кто примет эту мягкость за чистую монету.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-133645-5

© Олег Данильченко, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ИЗ ВАРЯГ В НЕБО

Пролог

«Какая же она все-таки красивая!» — с нежностью подумал Лис. Вид пронзительно-голубой, до боли знакомой планеты, безмятежно летящей в пространстве по своей неизменной орбите, навевал смешанные чувства. Десять лет. Десять ОЧЕНЬ долгих лет он искал дорогу домой. Нашёл. А что дальше? В течение этих самых десяти лет задумываться над этим было просто некогда. Главное было — выжить. Всё, что он делал, всё, через что прошёл, было подчинено только одной цели. Теперь эта цель достигнута. А та мешанина чувств, которая бурлила внутри, по сути, являлась растерянностью. Вот он дом. Такой, казалось бы, родной, знакомый. Да только дом ли? Кому он нужен здесь? Кто он для тех людей, что живут на этой планете? Да никто! И никому конкретно он, Леонов Илья Сергеевич, тут не упёрся. Его никто не ждёт, да и в списках живых он уж точно давно не значится. Это невероятное и фантастичное для любого землянина путешествие, длиною в десять лет и несчетное количество световых, подошло к концу. И вот теперь Илья стоял на обзорной палубе своего корабля в одиночестве, мучаясь в сомнениях. Воспоминания наплывали одно за другим, как в калейдоскопе.

Глава 1

Родился Илья в семье военного. Только вот мама умерла, когда Илье было чуть больше полутора лет — острый перитонит и трагическая цепочка случайных событий. Прокол колеса городской кареты «скорой помощи» и задержка на КПП при въезде в жилгородок гарнизона сделали свое дело. Мамы не стало. Не довезли. Отец так больше ни с кем и не сошелся, хотя претендентки появлялись, мужик был видный. Обручальное кольцо он тоже так и не снял. Иногда отец не приходил ночевать домой, а когда Илюха подрос и стал понимать, что к чему, то стал догадываться — родитель был у женщины. Но после таких отлучек всегда замечал, как отец доставал фотографии мамы и подолгу сидел молча, глядя пальцами изображение белокурой женщины, а ещё он замечал, как дрожат при этом у него пальцы. Сам

Илья помнить маму, естественно, не мог, однако помнил. На уровне ощущений или инстинктов, если угодно. Что-то такое тёплое, нежное, доброе, надёжное, умиротворяющее. Мало? Может быть. Но это всё, что осталось, и он очень дорожил этими воспоминаниями.

Само детство проходило в гарнизонах и постоянных переездах с места на место. Но ему это даже нравилось. Новые места, новые люди, всё было интересно. Да и жизнь в военном городке для пацана, на его взгляд, куда как веселей городской жизни. Большую часть свободного времени Илья проводил на работе у отца. Да и не только он так делал, мальчишкам всегда интересны игрушки взрослых, военных дядек. Вот и Илья мало чем отличался от среднестатистического мальчишки. Разве только тем, что, если где-нибудь что-то происходило, то естественно, заводилой и лидером всегда оказывался он, и за это часто огребал по самые помидоры. За хорошие поступки его не хвалили, отец считал, что человек обязан жить правильно, честно, порядочно, справедливо, хорошие дела — это нормально и естественно, а раз нормально, то и говорить нечего. А вот за плохие наказывал примерно. Чаще всего выдернув португепю и расписав задницу в синюю клеточку. Но Илюха не был в обиде. Тут ведь как: попался, значит, сам виноват. Заслужил — получил, чего уж там, всё верно. Главное, чтобы это было справедливо. Если справедливо, то и обижаться не на что. Из-за этой справедливости и в школе вечно были проблемы. Если кого-то обижали незаслуженно, то он вписывался не задумываясь. Как-то, будучи еще в первом классе, сидя на уроке, ему вдруг приспичило по малой нужде. С кем не бывает? Отпросился, а когда забежал в туалет, увидел, как девятиклассник выворачивает карманы у такого же, как сам Илья, первоклашки. А тот, размазывая кровавые сопли, обильно струящиеся из разбитого носа, беззвучно плачет. Дальнейшие события за давностью лет помнятся смутно. Холодное бешенство, металлический привкус своей и чужой крови во рту, плюс кусок откушенного уха того девятиклассника, как положительный результат. А что он ещё мог сделать? Вот и выбрал единственно доступное: прыгнул на спину дылда и вцепился зубами в оттопыренное ухо. Отрицательный результат — в виде сине-жёлтого фингала на оба глаза, дело десятое. Потом было всеобщее порицание на общешкольной внеплановой линейке, вызов отца в школу. Никому и в голову не пришло разбираться, дылда оказался сыном завуча, так что место на учёте в детской комнате милиции Илье нашлось быстро. А отец тогда и не ругал вовсе, в тот день он только коротко приказал: «Рассказывай!», а выслушав, молча кивнул, хлопнул по плечу и выдал: «Всё правильно сделал! Запомни, сын, всё и всегда должно быть справедливо, прав — бей. Не прав — терпи. А чтобы не терпеть, не делай говна людям!» На том всё и закончилось, дылда в школе получил кличку Драный, а Илюху стали звать психом. Та короткая беседа с отцом запомнилась намертво, так жил сам отец, так и Илья старался жить.

Спорт занимал большое место в их семейной жизни. Отец считал, что офицер должен всё уметь делать лучше рядового воина, иначе какой он нахрен офицер, ну и сына приучал небезуспешно. Бойцы отца уважали и между собой звали не иначе как Батя, а сам Илья у них числился кем-то вроде младшего братца. Если подразделение бежит марш-бросок, то и командир бежит с ним, нагруженный точно так же, как и любой солдат. За это и уважали, если к подчиненным командир строг, то и себя жалеть не должен, и это справедливо. Бывало, и Илюха тоже бегал с ними, налегке, конечно, но тем не менее на всю дистанцию. Кто-то скажет, что это издевательство над ребенком? Ничуть! Он сам, по своей доброй воле это делал, получая при этом даже удовольствие, когда чувствовал, как тело послушно отзывается на нагрузки. И вообще, отец для него был идеалом, на который хотелось быть похожим. У вас не так было? Ну что же, можно только посочувствовать. А такие знания, как устройство автомата Калашникова, пистолета Макарова или умения их почистить правильно, для него были вообще естественными. Жить в гарнизоне и не уметь? Да вы шутите.

Но если с подчиненными отец находил общий язык, то с вышестоящими командирами не очень получалось ладить. Ну не умел он лизать жопы, от того и по служебным званиям рос медленно. Прощедший Афган, он научился только воевать и учить воевать других, эту науку «духи» быстро преподают, а вот лизание в обучение обычно не входит.

Бабушек и дедушек, положенных иметь всем детям, Илья не имел, вернее, имел, конечно, только они уже давно находились в несколько ином агрегатном состоянии, отличном от ныне здравствующих людей. Родители отца ушли из жизни рано, а мать вообще была детдомовской. Вот такое было детство, но нельзя сказать, что оно было плохим. Нет, детство было обычным, весёлым. У Илюхи было всё, что мог бы захотеть нормальный мальчишка, отец ни в чём не отказывал. Единственным условием было: это надо заслужить. А что? Справедливо. Закончил четверть без троек, получи бонус. Профилонил, можешь забыть, короче, нормальное детство. Многие городские, просидевшие своё детство на лавке возле подъезда, позавидовали бы. В общем, рос Илья весёлым, смышлёным и физически развитым сорвиголовой, но была и слабость, он был мечтателем, буквально зачитывающимся научной фантастикой, глотая книги одну за другой. Представляя себя то в роли космического первопроходца, который бороздит, так сказать, просторы Вселенной (не путать с Большим театром), то открывая новые планеты или отбивая атаки инопланетных захватчиков. Он даже после школы в мореходку поступил только потому, что моряк это, по его мнению, тот же космонавт, только в космос не летает, но, в общем, похоже.

Поступить удалось легко, но ненадолго. Его отчислили ещё на первом курсе морской академии. Это случилось банально и просто.

Как-то вечером решили молодые курсанты побаловать себя жареной картошкой. Вообще-то, внештатные нагревательные приборы были запрещены в кубриках, но, как говорится, если запрещено, но очень хочется, то втихаря можно. К этому кулинарному изыску Илья с детства питал особую слабость. Уж больно здорово картошечку жарил отец. С чесночком она получалась такая духовитая, да еще с хрустиком, ммммм — вкуснятина. Вот и зарулили на этот картофельный дух старшекурсники. Отмечали те чей-то день рождения, и вот незадача, спиртное ещё есть, но закусить уже нечем. А тут как манна с небес, запах жареной картошки. Открыли дверь с ноги, цапнули сковороду и на выход намылились, мол, фёстам (первокурсники), полагается есть мало и в последнюю очередь, а тут ещё и нарушение внутреннего распорядка налицо, так что продукты изымаются в качестве наказания. И хохочут, затейники. Нет, ну подошли бы по-человечески, так, мол, и так, пацаны, такая ситуация — поделитесь. Да кто бы был против? Ради такого дела уважали б, без вопросов, а так... Илья, естественно, был не согласен с такой постановкой вопроса. Слово за слово, мордой по столу, в общем, челюсть именинника немного сломалась в трех местах. Короче, опять повезло, новорожденный оказался чьим-то сынулей, а Илья, соответственно, оказался за воротами академии. Прямо проклятие какое-то, как дерьмо человек, так обязательно чей-нибудь родственник, мля. Ну что за засада, а?

Однажды по ящику довелось посмотреть занимательную передачу, где показывали дорожные курьезы, смешные аварии и тому подобное, так вот один сюжет запомнился особо. Суть была в том, что какой-то урод припарковал свой джип возле арочного проезда, перегородив дорогу, другой водитель, которому надо было проехать во двор своего дома, недолго думая, достал буксир, зацепил мешающий транспорт и оттащил в сторону. Так сказать, освободил проезд, на что ведущий передачи сказал что-то типа: «Справедливо, но незаконно!» Эти слова поразили до глубины души. С каких это пор понятие справедливости вдруг стало незаконным? Как же так? Что происходит с людьми, и куда мир катится? Если такие понятия переворачивают с ног на голову!

Но да ладно, дело прошлое. В общем, насчёт отчисления горевал Илюха недолго, ровно пять минут, после чего подал документы в мореходную школу, которую через год закончил и в должности моториста ушел в море. Работа нравилась. А что? Кормят, поят, одевают, вовремя меняют пеленки, возят по заграницам, да еще и деньги платят — красота! На самом деле, не всё так радужно, конечно, надо ещё и работать, без выходных, праздников, часто и после вахты, буде какой аврал образовался, но на такие мелочи Илья внимания не обращал. Целых два года охотился за впечатлениями. В одном из рейсов получил телеграмму, где его извещали о смерти отца. Но с парохода, как и с подводной лодки, деться некуда. Только через месяц удалось сойти на берег. Отца

уже похоронили. Погиб он, спасая какого-то молодого бойца, когда тот на учениях не справился с боевой гранатой. Боец остался жив, а батя... Наследства не осталось, квартира ведомственная, вещей тоже особо не было, только медали отца и его сбережения, да и тех кот наплакал. Таким образом, Илья остался совсем один. Но жизнь на этом не закончилась. Отца не стало, но военкоматы никуда не исчезли. Короче, пока парень охотился за впечатлениями в морях, военкомат охотился на него, и вот эта охота увенчалась успехом. Илья не успел смыться в очередной рейс, как его подхватили под белы ручки и, как говорится, забрили в солдаты. Дальше учебка, Чечня и плен.

Глава 2

Вся эта войнушка была бестолковой. Её, по мнению Ильи, можно было закончить очень быстро. Но, видимо, она кому-то была очень выгодной. Иначе объяснить не получается. Например, поступает приказ: уничтожить бандформирование, а когда это самое формирование окружено и остается только его уничтожить, вдруг поступает отмена приказа, и бандиты спокойно уходят в горы. И таких примеров масса. Не говоря уже о совершенно идиотских приказах, благодаря которым целые подразделения российских войск попадали в засады и вырезались подчистую. Как объяснить? Да никак. Какие уж тут объяснения. Дурак всё равно не поймёт, а умному и объяснять не надо. Вот в одну из таких засад Илья и угодил, как кур в ощиц. Картинки тех событий мелькают в памяти, словно кадры кинохроники.

Вот Илья сидит на броне БТРа, колонна идет в Грозный, там отбиваются попавшие в засаду спецназовцы.

Вот взрывом подбрасывает кверху перед головной машины, Илью взрывной волной буквально сдувает с брони, а вслед за этим уже БТР, на котором ехал Илья, вспухает огненным шаром. Буквально за пять минут от боевой колонны остаются лишь жирно чадающие остовы.

Вот он с остатками подразделения, волоча на себе раненых, пробивается туда, где всё еще держатся спец.

А вот уже бой в полуразрушенной пятиэтажке, Илья лупит короткими очередями. Очередь, и голова боевика, высунувшегося из-за бетонного блока, взрывается кровавыми брызгами. Вторая, и еще один нападающий, громко завывая, падает на грудь битого кирпича, хватаясь за развороченное левое бедро. Третья... хрен там, сухой шелчок бойка возвестил о том, что стрелять больше нечем. Илья хлопает по карманам разгрузки, пусто.

— Пустой! — кричит он.

— Держи! — Откуда-то справа прилетает полный магазин, Илья его подхватывает, подсоединяет, затвор сыто лязгает, досылая смертельный подарок в патронник, и быстро оглядывается в ту сторону,

откуда прилетел магазин. Ему подмигивает единственный глаз капитана, второй заплыл огромной гематомой, но тот, что еще лупает, блестит весёлой злостью.

— Не дрейфь, сержант, еще покочевряжусь, — слышится спокойный голос. А Илья и не дрейфит. В таких ситуациях страха нет, адреналин только что из ушей не хлещет. Страх, отходняк, откат, называйте как хотите, приходит потом, а пока просто не до этого. Нет времени осмысливать положение, в которое они угодили, надо стрелять, и Илья стреляет.

Вот в очередной раз выглянув в оконный проем для поиска цели, он замечает, как из-за угла дома напротив выскакивает человек с ручным гранатометом и резко падает на одно колено. Илья жмёт на спусковой крючок, гранатометчика отбрасывает назад изломанной куклой, но граната уже пошла.

— Граната, БОЙСЯ!!! — успевает крикнуть Илья и рыбкой бросается за укрытие, пытаясь уйти из зоны поражения. Почти успел, но... ПОЧТИ не считается. Горячая, тугая взрывная волна подхватывает Илью и смачно так припечатывает об угол стены, за которой он собирался укрыться. Свет меркнет.

Кадр меняется. Теперь четырнадцать выживших стоят на коленях, Илюха пятнадцатый. Связанные сзади руки не чувствуются, видать давно связаны. Илья только очнулся, вернее, правильнее будет сказать, его очнуло, пинком сбросив с кузова «шишиги». Но не от пинка очнулся Илья, в сознание он пришел в момент соприкосновения его лица с каменистой почвой. Застонав, он попытался подняться, но ему не дали такого шанса. Чья-то сильная рука, схватив его за шиворот, резко дёргает вверх. А потом толчок в спину, и ещё не пришедший в себя Илья, ничего не соображая, снова летит, уже который раз за день. Ему таки удаётся извернуться в полёте, чтобы ещё раз не хряснуться мордой лица. Эту часть организма удалось сберечь, но камень, на который он упал боком, не дал насладиться маленькой победой. Противный хруст, дикая боль и два сломанных ребра, вот и весь результат этого акробатического дебюта. Ан нет, еще хохот, похоже, кому-то пришлось по душе его кульбиты.

Илью снова хватают за шкирку и волокут, трещат нитки, пуговицы шрапнелью разлетаются, и куртка бы слетела вслед за ними, да руки связаны, не снимется так. Снова хохот. Но его продолжают куда-то тащить, Илья опять пытается сохранить целостность организма, на этот раз в районе сломанных ребер. Удаётся не очень. Глаза начинают заплывать, все-таки знатно он законнектился с планетой. Почему-то вспоминается лицо того капитана, который поделился патронами, у него всего один глаз был подбит, а тут такое счастье, сразу два, блин, да ещё и нос, похоже, сломан.

Наконец путешествие методом грубого волочения достигает финиша. И Илью снова дёргают вверх. Он уже приготовился к следующему

щему полёту, однако нет, снова побывать в шкуре пернатого ему не дали. Когда практически удалось принять вертикальное положение, удар под колени сзади, ноги подгибаются, и Илья падает на эти самые колени. Острые камни теперь пробуют на прочность их. Камни оказываются намного прочнее. Новая боль. Та же рука, что тащила его, теперь вцепляется в подбородок, задирая лицо вверх. Илья пробует открыть глаза, до этого не открывались, да и теперь мало что изменилось. Всё, чего удалось добиться, это две узенькие щёлочки. Но и это уже прогресс. Теперь хоть можно рассмотреть своего мучителя. А посмотреть было на что.

Здоровенный такой детина в американском камуфляже, по самые глаза заросший чёрной бороდიщей, хотя нет, походу, борода начинается сразу от бровей. А может, у него вообще нет промежутка между растительностью, которая на черепе, и той, что на лице. Поди разберись, ведь сверху бандана, лба не видно.

«А вот интересно, — подумал Илья, — это у него борода, или это такие густые ресницы?» — Подумал-то он не вслух, но улыбнулся непроизвольно. И хотя угадать в той гримасе разбитых губ улыбку было весьма сложно, но мордovorот таки угадал. Экстрасенс, мать его.

— Скалишься, падаль? — Участливо ощерилось гнилыми зубами это чудо природы.

«Надо же! Оно еще и разговаривает», — подумал Илья. БАМ, кулак этого громила совершил короткое движение, которое закончилось в районе многотрадной верхней части организма Ильи. Занавес.

Боль, она везде. Каждый вздох, как нож под рёбра, голова, словно семенной огурец, который вот-вот взорвётся от давления изнутри, только в данном случае не семенами, а мозгами. Опухшие колени также напоминают хозяину, что острые камни это не очень подходящая опора. Руки не преминули поведать, что если их ещё раз свяжут, то они могут и отвалиться ненароком. Ну и ЖАЖДА до кучи. Пить хотелось так, что Илье казалось, будь у него такая возможность, выхлебал бы озеро Байкал в пару глотков, а вообще, наверно, и одного глотка хватит. Он попытался пошевелиться, ага, щазз. Организм был против. Болью стрельнуло так, что аж слезы вышибло. Илья застонал.

— Опа! Очнулся, герой! — Голос говорившего был отчего-то знаком.

Илья хочет сказать, что, да, мол, очнулся. Но вместо этого из горла вырывается только какой-то сиплый хрип.

— Да ты погодь, герой, не дёргайся. Досталось тебе. Рёбра я как смог перетянул, да только эффекту маловато. Тут хорошая тугая повязка нужна. Но где ж её взять-то? А из драного тельника бинт получается, как из дерьма пуля. Но ты уж прости, герой, сделал как смог. А пока на-ка хлебни, пить-то, поди, хочется, уж я-то знаю.

Сюжет следующий, короткий. Илья, прихрамывая, бежит по оврагу, ему удалось усыпить бдительность охранника и смыться незаме-

ченным. Но незамеченным он был очень недолго. Догнали, били долго и сильно, странно, что не пристрелили, вернули обратно. Капитан Демьяненко, это тот, что делился патронами, он же ухаживал за избитым Ильей, да и вообще не давал с ума сойти, посетовал только, мол, кто так бегаёт, разве ж в одиночку это делают, да еще без подготовки? Да и своих бросать это нехорошо. Тут он прав, это Илья пиджака ввалил. Подготовка так подготовка, ладно, значит, будем готовиться. Конец сюжета.

Очередная картинка, вониючая. Илья вилами грузит навоз в тачку, жара, вонь стоит такая, что хоть стой, хоть падай. Мухи роем вьются, норовя залететь в рот. Приходится дышать носом, но и ноздри кажутся мухам очень даже привлекательными. Илья яростно отмахивается, помогает мало. Чернявая ребятня во дворе дома, глядя, как он размахивает руками, радостно гогочет. Потом им опять становится скучно и, чтобы развеять скуку, они принимаются кидать в него камнями. Да метко так швыряют, суки, один камень рассек бровь, Илюха от неожиданности теряет равновесие. Чтобы его восстановить, ему приходится воткнуть вилы в землю, дабы опереться на них, но уставшие руки соскальзывают с черенка, и он падает в кучу навоза, увлекая за собой и вилы. Зубья выворачиваются из земли, но один, с тихим хрустом обламывается и остается торчать. А тут и второй камень точно бьет по кумполу. Цирк, мля. Ржут уже всем двором. Кровища из рассечённой брови, что из твоего барана хлещет, да еще весь в говне, плюс здоровенный шишак на затылке. Смейтесь, смейтесь. Пока Илья барахтался в навозе, успел-таки вынуть из земли обломанный зуб от вил и спрятать его в рукав, на Илье столько говнища налипло, что обыскивать никто не решится.

Снова смена кадра. Поздняя осень, основная часть боевиков покинула деревню, похоже, планируют какую-то операцию, Илья не знает, какую, было бы странно, если б ему об этом сообщили, но это и не важно, важно то, что охраны осталось минимум. Из пленных в деревне лишь Илья и капитан Демьяненко, остальные — кого пристрелили, кто сам свёл счёты с жизнью, кого обменяли либо продали, рабовладельцы... хреновы. Надо дёргать отсюда, другого случая может не представиться. Подкоп в дальнем углу сарая давно готов, зуб от вил с рукоятью из намотанных тряпок тоже. Силёнок только маловато, постоянный голод и побои здоровья не добавляют, только деваться-то некуда, выбор невелик. Либо пробовать бежать, либо ждать, пока копыта отбросишь, ну или лапами щёлкнешь, как ни назови, а результат один.

Ночь, часовой у сарая мирно похрапывает. Из темноты возникают две тени, одна быстро зажимает рот спящему, вторая резко бьёт остро заточенным зубом от вил ему в сердце. Часовой взбрыкнул напоследок и затих. Собаки молчат, эти тени им знакомы. Ещё бы, рабовладельцам даже собственных собак кормить лень, свалили эту работу на пленных. Илья и кормил, а, как известно, собаки никогда не тронут того, кто

их кормит, вот и молчат барбосики. Спасибо им, эти огромные, лохматые животные, способные в одиночку противостоять стае волков, оказались намного человечнее своих хозяев. Две тени подхватывают труп на руки и, пошатываясь, тащат его за сарай. Тяжеленный, падла, в отличие от Ильи с капитаном, он вволю спал, жрал от пуза, да и работой не утруждался.

Разоружив жертву, подбили итоги. Автомат — одна штука. Разгрузка с четырьмя полными магазинами, один подсоединен к автомату, итого пять. Нож, тоже одна штука. Штаны, куртка, ботинки. Всё. Нормально, скоро запасы ещё пополнятся. Капитан будет убирать охрану, он профи в этом, а Илья решил разобраться с домочадцами. Никто не должен уцелеть. Плевать, что там женщины и дети, они ничем не лучше боевиков, сколько издевательств Илья от них вытерпел, со счёту собьешься. Да и какие там дети, мальчишки четырнадцати и пятнадцати лет, это уже волчата, перевоспитывать поздно. Нет жалости, ну ни грамма нет, только ненависть и осталась. Это не люди, это звери, поэтому и руки не дрожат, и совесть не мучает. Зубец от вил выброшен, он своё дело сделал, вместо него парень взял острый кухонный нож, он больше подходит для последующей работы. Работа нехитрая, зажал рот рукой, полоснул по горлу, зажал, полоснул, зажал, полоснул. Главное, не шуметь.

Капитан, заметив приготовления напарника, молча положил ему руку на плечо.

— Негоже так, парень, — шепчет. — Мы воины, а не мясники. С женщинами и детьми не воюем.

— Они не заслуживают жизни, они утратили человеческий облик, подавшись звериному. Нельзя, чтобы такие твари ходили по земле, — в ответ горячо шепчет Илюха в ухо Демьяненко, — им место в аду, вот эти места я и обеспечу. Самые лучшие места.

— Не суди парень, права такого не имеешь. Возьмёшь грех на душу, потом сам себя ненавидеть будешь. Просто поверь моим словам, а поймёшь потом. Лучше сидор собери, нам долго бегать придётся. Как закончишь, никуда не уходи, я быстро.

Скрипнули зубы, желваки вздулись на скулах парня, ярость и злость полыхали в душе, как лесной пожар, но он послушался. Обуздал свою ненависть. Хотя ему хотелось совсем другого, ой как хотелось!

Нет, вы не подумайте, Илья вовсе не испытывал ненависти ко ВСЕМ чеченцам поголовно, он не был националистом ни на сколько. Людей он делил на две категории: хорошие и плохие. Национальность при этом для него роли не играла, только поступки. Вот за эти поступки он и хотел взять плату. Но не только слова старшего и более опытного товарища остановили Илью, в какой-то момент ему показалось, что он видит укоровизненный взгляд отца. Тогда-то он и понял, что Демьяненко прав, отец тоже бы осудил такой поступок.